

— Прежде чем приступить к съемкам, вы выполнили сотни высокохудожественных рисунков. Что это — испытанный прием? И каким целям он служит?

— Впервые я применил этот метод во время работы над фильмом «Кагемуша». Правда, поначалу речь шла не столько о подготовке к съемкам, сколько о необходимости компенсировать некоторые недостатки. Дело в том, что сценарий «Кагемуши» отклонялся несколько раз за четыре с лишним года. Я так много раздумывал над фильмом, что в моем сознании возникло множество отдельных кадров. В какой-то момент решение о съемках повисло в воздухе, и мне казалось, что фильм вообще не увидит света. Но смириться с тем, что никто никогда не увидит все те образы, которые теснились перед моим мысленным взором, я не мог.

Чтобы как-то спасти дело и обуздать охватившее меня от-

душных, мужественных, любивших и уважавших своего отца. Благодаря им он прожил счастливую жизнь. А что если, представил я себе, сыновей, как нередко случалось, обуяла бы жажда власти? Получилась ситуация, схожая в большей или меньшей степени с той, в которой оказался король Лир, с той лишь разницей, что у него были дочери, а не сыновья. Хотя некоторыми заимствованиями у Шекспира я усилил это сходство, говорить об экранизации трагедии не приходится. Вообще считаю для любого кинорежиссера слишком большой смелостью пытаться экранизировать Шекспира.

— А как же ваш фильм «Замок интриг»? Разве это не экранизация «Макбета»?

— Нет. В основу фильма положена история одного японского властелина, переключаясь с «Макбетом». Конечно, в фильме были использованы некоторые эпизо-

ИСКУССТВО ЗА РУБЕЖОМ

Сверкающие грани творчества Куросавы

В прессе уже сообщалось о том, что известный японский кинорежиссер Акира Куросава приступил к съемкам нового фильма «Ран». Агентство печати Новости предлагает вниманию читателей «Смены» его интервью французскому журналу «Пуэн».

чаяние, я начал рисовать и писать кистью. А тут вдруг благодаря вмешательству американских режиссеров Фрэнсиса Копполы и Джорджа Лукаса, предоставивших средства на съемки фильма, его реализация оказалась возможной. К тому времени у меня было уже 250 рисунков. Я показал их съемочной группе, и каждый из ее членов нашел для себя много полезного с точки зрения детализации дальнейшей работы. Меня попросили завершить начатое дело и выполнить рисунки других недостающих сцен. Таким образом, для «Кагемуши» получилось пятьсот рисунков. Они представляются мне вдвойне полезными. С одной стороны, для меня самого. Когда изображаешь в рисунке ту или иную мизансцену, приходится конкретизировать детали, поскольку в словесном описании она содержит элементы тайны — не ясно, какими, к примеру, должны быть узоры вышивки, доспехи воинов, цвета знамен, военные эмблемы и т. д. Чтобы рисунок был достоверным, приходится вновь и вновь изучать различные документы. Вопросы возникают там, где, казалось бы, все ясно. Это отличный стимул для работы. С другой стороны, большую пользу из таких рисунков извлекают для себя все члены съемочного коллектива. Снять фильм — это значит перенести на пленку образы, которые у тебя в голове. В общении с ассистентами, актерами хороший рисунок гораздо доходчивее, чем пространное объяснение. Вот почему я решил изобразить основные элементы и будущего фильма «Ран».

— Когда-то вы учились в Академии художеств. Не означают ли ваши иллюстрации в известной степени возврата к живописи?

— Отнюдь. Живопись требует профессионального подхода. Она обязывает художника стремиться к совершенству. Мне это несвойственно, когда я делаю рисунки к фильмам.

— Действие «Рана», как известно, происходит в средневековой Японии и сюжетно чем-то напоминает трагедию Шекспира «Король Лир». Так ли это на самом деле?

— И да, и нет. Признаюсь, большое впечатление на меня произвела подлинная история об одном японском всецелом феодале, жившем в XVI веке. У него было трое сыновей — благородных, велико-

ды из шекспировской трагедии. Однако отличие от нее не менее важно, чем сходство. Уместно напомнить, что в XVI веке в Японии постоянно происходили ожесточенные усобицы и конфликты между отдельными феодальными кланами и династиями. В этом отношении японская действительность мало чем отличалась от английской, описанной Шекспиром. Существует глубокая историческая связь между событиями, которые нашли отражение в литературе двух стран. Кроме того, в юношеские годы я запоем читал произведения французских, английских, немецких, русских классиков, и нет ничего удивительного, если то там, то здесь находит выход этот «культурный запас». И, наконец, последнее, но не менее важное: человек по своей природе везде и всюду одинаков — на Востоке и на Западе.

— А чем можно объяснить тот факт, что феодальная эпоха занимает столь значительное место в вашем творчестве? О ней ваши фильмы «Рагемон», «Семь самураев», «Кагемуша» и, наконец, «Ран».

— Люди той эпохи, на мой взгляд, обладали большими достоинствами. Об этом можно судить по дошедшим до наших дней, полным красоты и изящества предметам. К предметам я восстанавливал шлем средневекового воина. Я поразился, каким простым и одновременно надежным способом он крепился на голове.

Я сказал, что люди раньше обладали большими достоинствами. Это не совсем точное определение. Они были лучше. И чем больше мы узнаем о прошлом, тем в лучшем свете пред нами предстают люди прежних времен.

— И эту мысль вы хотите донести до зрителя?

— О нет. Я не стремлюсь вкладывать какую-то идею в свои фильмы. Хотя, несомненно, мои мысли, мои взгляды воплощаются в моем творчестве. Но педагогику я не подменяю кинематографом. На мой взгляд, фильм — это многогранный кристалл. Для каждого он должен блеснуть видимой ему гранью. Он должен соответствовать культурному уровню каждого зрителя, отвечать его запросам. Я не верю в фильмы для «элиты». Создавая фильм, автору нужно думать о том, чтобы доставить удовольствие зрителю, а стало быть, и самому себе.